

Из моего детства...

Неправда, когда говорят, что русские Иваны не помнят родства своего, просто нашу память всячески старались стереть и уничтожить.

Род Серовских стал известен в XVII в. В 1618 г. За Московское осадное сидение был пожалован грамотой Государя Яков Семенович Серовский.

«Божей милостью мы Великий князь Михайло Федорович Романов всея России Самодержец по своему милосердному осмотрению пожаловали есмь Якова Семенова сына Серого за его многие службы, что он помятуя московских чудотворцев, будучи у нас в Московском государстве в нужное и прискорбное время за веру хрестьянскую, за святых Божия церкви и за нас за всех православных хрестьян против врагов наших, и литовских людей и русских воров, которые до конца хотели разорите Государство Московское и веру хрестьянскую попрали, а он Яков Семенович будучи на Москве в осаде и в Переяславле Рязанском против этих злодеев наших стоял крепко и мужественно многое дородство службе показал и голод и наготу всякую осадную терпел многое время»¹.

Что касается именно моей родословной ветви, то «из дела о дворянстве Серовских № 598 видно, что определением сего собрания 26 января 1854 г. Степан Козьмич Серовский с сыном Иваном (моим прадедом – авт.) причислены к роду юнкера Козьмы Степановича Серовского с внесением в шестую часть дворянской родословной книги и об утверждении сих лиц в древнем дворянском достоинстве в сие собрание последовал Указ Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 19 августа 1854 года № 6463»².

Я последняя внучка дворянина Серовского Александра Ивановича – сына дворянина Ивана Степановича Серовского. Родилась я 23 января 1952 года в д. Пахотино Спасского района. Назвали меня Татьяной в честь великомученицы Татианы (25 января), в то время моему дедушке было 77 лет, моему отцу 40 лет. Родилась я необычно, в рубашке, как рассказывает мама, когда акушерка, принимавшая роды, взяла меня на руки, то на моем крошечном теле уже была надета рубашка, с плечиками, расширенная к низу, подол отвис, что привело персонал сельского роддома в большое

волнение, а я, только что появившись на свет, смутилась и заплакала. Акушерка сказала, что за многие годы работы первый раз принимает такого ребенка. Рубашка у меня сохранилась и сейчас.

Деревни Пахотино и Сошкино разделял небольшой пруд. Изначально дедушка Александр Иванович жил в д. Сошкино. Позже он с бабушкой Татьяной Петровной (в девичестве Быковой), уроженкой с. Степанское Спасского уезда, и мои родители поселились в д. Пахотино. Дедушка с бабушкой жили в аккуратном кирпичном доме, их усадьба была поделена на две части: одна половина под садом (садов тогда почти ни у кого не было), там росли вишни, яблони, малина, на другой стороне сажали необходимые овощи. У них было семеро детей: пять дочерей и два сына. Все жили в Москве, кроме моего отца. У дедушки постоянно жил кто-то из внуков. На нас, детей, он никогда не кричал и не наказывал, но в его присутствии мы почему-то вели себя очень тихо, когда же его не было дома, мы резвились как нам хотелось. Все сельчане к нему относились почтительно, с уважением, часто обращались за советами. В его присутствии никогда никто не говорил плохих слов, у него же было самое ругательное слово «дармоеды». Когда образовался колхоз сельчане были неграмотны, не имели опыта ведения хозяйства. Дедушка по своему духовному состоянию не мог равнодушно созерцать, когда что-то делали плохо, не на пользу людям, он же, любя свой русский народ, своих крестьян, старался помочь им выжить в тяжелое время, насколько у него хватало знаний, опыта и физических сил. Он помогал и председателю колхоза вести хозяйство, и сам был за ветеринара, за агронома и т.д., а бабушка посмеивалась над ним, когда он, уставший, поздно возвращался домой и приговаривала: « Это тебе не на тройках кататься». Его отец Иван Степанович до революции жил в Москве и состоял на службе при царском Дворе. Позже по возрасту дедушка получал персональную колхозную пенсию 8,5 – 10 рублей, колхозникам тогда пенсию не платили.

У дедушки был очень тонкий музыкальный слух и красивый голос, на праздники, когда собирались гости, дедушка любил петь русские старинные песни, романсы. С особой горечью он пел вот эти строчки:

...Меж высоких хлебов затерялось
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялось
И на нас невзначай набрело...

Еще у него было много книг, которые он постоянно перечитывал, думая о чем-то своем. Однажды ночью я проснулась и увидела, как почти в темноте мой отец и дед укладывали в узлы книги, какие-то вещи, потихоньку уносили их из дома и топили в речке. Видимо, было опасно, а утром пришли незнакомые люди, резко разговаривали, что-то искали, дедушка куда-то с ними уехал. Поздно вечером вернулся домой. Единственный раз в жизни я увидела его пьяным, у него был ужасный измученный вид. Я, глядя на него, очень испугалась и громко заплакала. Чтобы сберечь семью от всевозможных неприятностей нам, детям очень строго запрещалось вступать в любые разговоры. Только когда я очень капризничала, моя бабушка из каких-то тряпочек доставала цветные портреты царей, что-то мне о них рассказывала и просила никому не говорить об этом.

В возрасте 5 – 6 лет я знала все буквы и старалась читать. Т.к. детских книжек было мало, я их быстро освоила и стала просить дедушку, чтобы он дал мне что-нибудь из своих взрослых книг. Он внимательно отнесся к моей просьбе и подарил мне книгу «Евангелие» 1904 года издания, которой был награжден бабушкин брат Александр Петрович Быков за успешное окончание Степанской школы при Спасском Епархиальном училище в 1906 г., и сказал мне напутственные слова, которых я,

конечно, дословно не помню, но суть такова, чтобы истинные ответы в своем жизненном пути я находила в этой книге. По сей день я бережно храню эту книгу, которая остается моим главным учителем.

Дедушка близко ни с кем не дружил, за исключением дворянина Стерлигова Ивана Егоровича, своего двоюродного брата. Иногда дедушка брал меня с собой. Иван Егорович был нелюдим, ни с кем не общался, людей оценивал суровым взглядом. Мне по-детски было робко, но любопытство было сильнее и я шла с дедушкой к Стерлиговым. Они жили втроем: Иван Егорович с женой Анастасией Ивановной и их сын Петр. Говорили, что их имение раньше было в Мещере. В д. Сошкино у них была неплохая усадьба: деревянный дом, сад, за садом пасека, небольшой пруд. Также мои родители рассказывали, что у Ивана Егоровича был брат, который изобрел баян. Их сын, Петр Иванович, имел десятилетнее образование, был интересным человеком, обладал очень высоким умственным потенциалом. Я искренне радовалась, когда он приходил в наш дом. Я засыпала его многочисленными вопросами и получала разумные интересные ответы. Он мог буквально все: построить дом, произвести ремонт радиоприемника, швейной машины и т.д., но выхода его умственным способностям не было. Не сложилась личная жизнь. После смерти родителей ушел из жизни и он. У него остался сын Михаил.

Сколько я себя помню из детства, я всегда носила крестик, знала молитвы, молилась. У меня складывалось свое детское мировоззрение. Пришло время идти в школу. В школе я была отличницей. Учителя стали вызывать моих родителей на беседы, и так с меня сняли крестик. Я переживала, мне было как-то очень грустно. В моем детском сознании рождалось множество вопросов почему? Видя происходящее, дедушка тоже переживал по-своему. Однажды мы пошли с ним к Стерлиговым. Он рассказал им обо всем, что произошло. Иван Егорович очень расстроился. Он что-то резко кричал, взволнованно ходил по комнате, то садился на стул, молча опустив голову. Петр Иванович угощал меня яблоками, грушами, чем-то еще, а потом они подарили мне маленькие золотые сережки.

Прошло некоторое время. Сначала умерла бабушка Татьяна Петровна. Через три года не стало дедушки. Тогда мне было 10 лет. Я собрала красивый букет полевых цветов, положила их ему на могилку и перевернула страничку своего детства, простившись с дорогими мне, красивыми, истинно русскими людьми.

Примечания

¹ ГАРО. Ф. 98. Оп. 30. Д. 51; Оп. 38. Д. 42.

² Там же.